

«Ваше село Ломоносово»

Несомненна духовная связь Фёдора Абрамова с великим Ломоносовым

Герои Абрамова – во всякой деревне

Между Куростровом, родиной первого русского учёного-энциклопедиста Михаила Ломоносова, и Верколой, родиной Фёдора Абрамова, замечательного русского писателя второй половины XX века, путь неблизкий – вдоль реки Пинеги, сокращая маршрут по дороге от Карпогор, около 250 километров. По сути, это различные регионы, в историческом и культурном отношении веками развивавшиеся самостоятельно: Ломоносов – двинянин, Абрамов – пинежанин. Тем не менее по месту рождения в Архангельской (до 1780 года Архангелогородской) губернии, нынешней Архангельской области, они являются земляками.

О том, когда именно Абрамов впервые услышал фамилию Ломоносова, прямых свидетельств не имеется. Несомненно, это случилось ещё во время его учёбы в Веркольской школе в 1928–1932 годах. К окончанию же Карпогорской десятилетки будущий писатель знал о нём совершенно определённо. Да и в напутствии первому в Карпогорах выпуску десятиклассников от директора школы Н. П. Смирнова, напечатанном 17 июня 1938 года в газете «Лесной фронт» (нынешнее «Пинежье»), 18-летний Фёдор вслед за собственной высокой оценкой: «Абрамову остаётся сдать ещё геометрию (устно) на «отлично», и он получит аттестат с правом поступления в любой вуз без испытаний» – прочитал: «Учитесь овладеть знаниями у великих мастеров науки: Дарвина, Ломоносова, Тимирязева, Павлова, Циолковского, Мичурина!»

По пути в Архангельск в августе того же 1938 года миновать родину Ломоносова Абрамов никак не мог – выходя из Пинеги в Северную Двину, паром «Курьер» непременно проходил вдоль Курострова. Наверно, припомнил Фёдор, уже знавший, что он зачислен на филологический факультет Ленинградского государственного университета, что почти за два столетия до него другой 19-летний крестьянский парень, влекомый неодолимой жаждой знаний, ушёл отсюда в Москву... и каких вершин впоследствии достиг действительный член Петербургской академии наук Ломоносов.

“Не случайно, что факел учёности на Руси зажжёт крестьянский сын из-под Холмогор Михайло Ломоносов”

Фёдор Абрамов в редакции газеты «Пинежская правда». Карпогоры. 11–13 сентября 1967 года. Фото из архива Ф. Абрамова

Впервые по-настоящему (хотя и проездом) Абрамов побывал на родине Ломоносова на второй год войны, направляясь в отпуск на Пинежье... Позади у него, недавнего третьекурника, уже была Ленинградская армия народного ополчения, два тяжёлых ранения, блокадные госпитали, эвакуация по Дороге жизни.

Много лет спустя то воспоминание о Курострове проявилось благодаря читателю, военнотружущему из Житомира, Льву Третьякову, познакомившемуся с романом «Братья и сёстры» и 4 января 1960 года написавшему Абрамову: «Восхищаюсь Вашим зорким взглядом, сумевшим подметить всё наше чисто северное, милое, незабываемое... Ведь все мои земляки могли бы подтвердить, что и Анфиса, и Миша Пряслин, и Варвара, Клевакин, и даже Митенька Малышня – все они были в нашем селе,

и все они, пожалуй, были в любой большой деревне».

Родился же Третьяков на Курострове, в селе Ломоносово, бывшей Денисовке, официально переименованной в 1911 году в связи с 200-летием со дня рождения самого знаменитого местного уроженца. (Отсюда также происходили скульптор Федот Шубин и племянник Ломоносова по матери, физик и математик Михаил Головин, почётный член Петербургской академии наук с 1786 года.)

Фёдор Абрамов ответил Третьякову 21 ноября 1960 года: «Мне приятно, что Вам понравился мой роман... Ваше село Ломоносово я знаю. В 42-м году, в апреле, мне даже довелось останавливаться в нём – ехал на лошадях из Архангельска по ранению. Помню, был ясный зимний день, и я в ожидании лошади бродил по деревне. Думал о нашем великом земляке. У одного дома мне попала навстречу кучка ребятшек. Я спрашивал их, что они знают о Ломоносове. Но никто из них ничего не знал о гениальном предке. Как знать, может быть, и Вы были среди этих ребятшек?»

Почти то же самое Абрамов повторил и в письме к нему от 20 апреля 1975 года, отвечая на благодарность за третий роман «Пути-перепутья» (впервые об этом сказано в публикации самого Л. Третьякова «Два письма», вышедшей в «Правде Севера» 21 февраля 1990 года).

Однако прежде был второй роман «Две зимы и три лета», отклонённый журналом «Звезда» не без учёта настоящего мнения Ленинградского обкома КПСС и отправленный писателем в журнал «Новый мир». Ожидая решения его главного редактора Александра Твардовского, Абрамов уехал на Пинежье, а, возвращаясь, почти неделю, с 14 по 19 сентября 1967 года, провёл в Холмо-

горах, напротив которых расположен Куростров.

Впоследствии в одной из заметок для так и не состоявшихся воспоминаний о Твардовском Абрамов отметил: «И вдруг... приходит телеграмма от жены: «Письмо от Твардовского с очень высокой оценкой романа». Странно, но на меня нашло какое-то затмение. Вместо того чтобы ехать немедля, я... поехал в Холмогоры к архангельскому писателю Жернакову, который меня давно звал и куда я сам давно стремился».

Холмогоры, бывшая столица Севера, резиденция архиепископа Афанасия, а главное – родина Ломоносова... Да как там не побывать».

Принимавший коллегу писатель Николай Жернаков вспоминал, что конкретное содержание письма Абрамов узнал 18 сентября из телефонного разговора с Людмилой Владимировной Крутиковой. После этого «по всему замечалось, что ему уже не сиделось, не писалось и вообще он не знает, куда деваться от охватившего его беспокойства. До этого у нас были планы довольно обширные: намечали посетить музей М. В. Ломоносова, съездить на моторной лодке в Вавчугу – на родину знаменитых кораблестроителей купцов Бажениных, посмотреть наковальню, на которой Пётр I самолично отковал лапу морского якоря...

Всё это выветрилось из головы Абрамова. Дорогое письмо от знаменитого поэта, которого он боготворил всю жизнь, звало его в дорогу, рукопись романа – к столу. Он то и дело возвращался в разговоре к тому, без чего не мог жить, – к работе, к повседневным общественным заботам... «Нет, надо уезжать, Кузьмич, надо уезжать...»

Назавтра я проводил его на паром в Архангельск».

В 1942 году Фёдор Абрамов сетовал, что дети из села Ломоносово мало знают о своём великом земляке. Нынешние школьники гордятся им с детства

Я ЗНАЮ»

Вождь и плоды культурной революции

Во время поездки по окрестностям Холмогор 15–17 сентября Абрамову в сопровождении Жернакова и редактора местной газеты Тимофея Будрина удалось побывать лишь в древнем Антониево-Сийском монастыре, где молодой Ломоносов предположительно провёл некоторое время, направляясь в Москву в декабре 1730 года.

Абрамов так записал свои впечатления от этого посещения: «Дорога к Сию от Емецка – 18 км. Сперва по полю, а потом лесом по высокой узкой горе – хребтине, по обе стороны которого – озёра. Красивые, рыбные озёра. 67 всего. Краса дивная. И представляю, с каким благочестивым радостным настроением шли в монастырь богомольцы. А сам монастырь, расположенный на одном из островов среди озёр, вырастает внезапно. Белое чудо. Будто поднимается из воды...

Да, монахи умели выбирать места для храмов Господних! Краса! И ради неё пойдёшь далеко-далеко».

Из воспоминаний Жернакова известны подробности: «Фёдор Александрович долго стоял на вершине гребня, как видно, в глубоком раздумье. Молчал. Мы тоже примолкли. Нам уже было привычно видеть это чудо – бывали здесь не один раз, но сейчас, рядом с ним, словно заново видели эту красоту и поразились ей.

Наконец Фёдор Александрович тихо так, словно сообщая нам грустную новость, произнёс:

– И ни разу здесь не бывать... Совсем невозможное дело!»

Конечно, и холмогорский Спасо-Преображенский собор, и Сийский монастырь, десятилетиями пребывая в мерзости запустения, ко второй половине 1960-х годов находились далеко не в лучшем состоянии, – и это тоже поразило Абрамова: «В старину город украшали храмы. 7 храмов. И главный из них – храм и колокольня при покое епископа Афанасия. Представляю, какой свет излучали они раньше!

А сейчас храм – по словам Жернакова, таких храмов у нас два: во Владимире да в Холмогорах – безобразная белая громада, лопнувшая пополам.

На колокольне, единственной в своём роде во всей России, если верить Жернакову, – полуотвалившийся жестяной лист с надписью: «Памятник архитектуры. Охраняется государством. Повреждение здания карается законом».

И такая же вывеска на храме Сийского монастыря. И там сказано, что памятник охраняется государством. Но что это

за охрана! Всё разбито, разграблено и загажено.

Напротив колокольни статуя приземистого лысого вождя. Зачем? Вождь любит плоды культурной революции?..

Да, теперь уже очевидно: не невежественные низы разрушали великие памятники старины. Нет, то было планомерное, организованное разрушение сверху...

И всё-таки, всё-таки... Холмогорский храм даже нынче, будучи развалиной, является самым примечательным зданием в городе. Всё новое – стандартно, безвкусно».

В художественных произведениях Фёдора Абрамова родина Ломоносова не отразилась – создавая свои романы, повести и рассказы, писатель подразумевал, прежде всего, Пинежье. Но о значении Русского Севера, в том числе Поморья и тех, кто его прославил, он не раз говорит в своей публицистике. Так, в статье «В краю родникового слова», написанной к 400-летию Архангельска (впервые опубликована 1 февраля 1983 года в газете «Советская Россия»), есть и такие слова: «Народно-поэтическое творчество Севера всегда жило в дружбе с книжной культурой. Крестьяне Севера, превосходившие грамотой собратьев других губерний, сплошь и рядом были владельцы личных библиотек, и не случайно, что факел учёности на Руси зажёл крестьянский сын из-под Холмогор Михайло Ломоносов».

...Вспоминая скорбные дни мая 1983 года, писатель Арсений Ларионов написал спустя немногим более года после смерти писателя: «Русский Север, давший миру Михаила Ломоносова, лишь через двести лет обрёл своего нового духовника, свою гордость и стойкого радетеля во всех мирских и духовных делах – Фёдора Абрамова. Однако и его век, как и век Ломоносова, оказался ярким, но коротким, как наше северное лето. В свои шестьдесят три года, можно сказать, в полной духовной зрелости он унёс с собой столько невысказанного, но уже обдуманного и выношенного...

Фёдор Александрович видел судьбу русского Севера и судьбу его главного форпоста – Архангельска – счастливой. О нём радело его сердце и теснилась в поисках неуёмная мысль, дорога всем северянам».

Геннадий МАРТЫНОВ,
автор «Летописи жизни
и творчества Фёдора
Абрамова», Санкт-Петербург
Фото Артёма Келарева

Часы с боем

Случалось так, что путешествуя по области вдоль Ваги-реки, я не раз останавливался в доме Елизаветы Алексеевны Лукинской

Баба Лиза – добрая и немногословная старушка, будто вобравшая в себя всю мудрость предков, веками живших на этой северной земле. В её лице была особенность, да такая, что запоминается навсегда! Глаза были разного цвета: один – зелёный, другой – голубой, что по приметам выдавало не простецкий, а недюжинный ум. Не к священнику, а именно к ней сельчане приходили поговорить по душам, «исповедаться». Кто-то шёл за житейским советом или спор рассудить, кому-то надо поплакаться, а кого и утешить. Она могла и бумагу в район написать и вывести заблудшего на верную дорогу.

Вероятно, вот отчего меня тянуло именно в этот самый обычный деревенский дом. Как-то спросил, почему в её доме к старинным настенным часам в качестве гири подвешен покрытый ржавчиной тяжёлый снаряд? Откуда старинные трофеи, не опасно ли такое железо в доме держать?

– Муженёк мой Иван Илларионович в первую мировую был артиллеристом, там и оглох от пушечной стрельбы. Как-то неприятельский снаряд под ноги его прилетел, да не взорвался! Вот он и принёс эту штуку с фронта домой и дал обет, что за это чудесное спасение пройдёт тысячи вёрст пешком в Грецию поклониться святым старцам на Афоне. Хотел возблагодарить Бога да помолиться там перед святым образом Богоматери Троеручицы! Год из деревни шёл пешком, пять обувок протёр, а клятву свою сдержал... После исполнения обета стал мельником, всей округе муку молот. Был молчун, о войне не рассказывал, а как умер, так вместе с ним встал ход привезённых им настенных часов...

Я сел у давно остановившихся курантов, взвесил на ладони старинный броневой снаряд, привязанный к медным гилям, и подтянул цепочку. Затем качнул маятник, отчего ме-

ханизм будто ожил, заскрежетал, залязгал, сделал два-три такта и снова замер. Баба Лиза допила чашку чая и продолжила свой рассказ:

– Мой Иван Илларионович много священных реликвий с Афона привёз, а как ушёл в мир иной – я всё раздала на добрую память. Образ Богоматери Троеручицы внучке Томе в Мурманск отдала, пускай вспоминает наш дом над Вагой-рекой. Чудодейственный образ Святого Пантелеймона и икона Воскрешение Св. Лазаря вологодской внучке достались. Ей пригодятся от всяких напастей и хворей! А Ольге, что проживает в Архангельске, – отписала картину в раме «Вид афонских гор с монастырями и парусниками на рейде» и привезённый оттуда терновый венец... И даже не знаю, как Иван Илларионович эти колючие шипы через Россию пронёс?! А сейчас разлетелись по свету все афонские святыни!

Тут Елизавета Алексеевна вспомнила, что гость за столом остался без подарка и, как в деревне говорят, с ходу огорошила:

– Господь и меня скоро приберёт, значит, и тебе от меня будет подарок. Да забирай хоть эти старинные часы! Чай, в городах и поправить сумеешь...

Точно зная, что отказать нельзя – хозяйка обидится, – от души поблагодарил за великодушное дарение. Но на завтра, уезжая из деревни с часами, завернутыми в большой платок, я – словно бывалый сапёр – со всеми предосторожностями отделил от подарка гирию-снаряд, тайком вынес его из деревенского дома. Огородами дошёл до леса и на опушке закопал это железо, некогда пощадившее деда Ивана. Как говорится, от греха подальше.

Но это только часть той истории. В дальнейшем ни один самый искусный часовщик не смог запустить этот старинный механизм. Возможно, что не хватает самого главного – неутомимой жизненной энергии, житейского запала, той веры, с которой дед Иван ходил на Афон?! Похоже, что часы с боем остановились навсегда...

Николай ЧЕШОКОВ
Фото автора